

Политика и Общество*Правильная ссылка на статью:*

Николаев И.В. Темпоральность официального дискурса российской государственной власти (2012–2022): грамматическое vs семантическое измерение // Политика и Общество. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0684.2024.4.71843 EDN: XDWVBA URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=71843

Темпоральность официального дискурса российской государственной власти (2012–2022): грамматическое vs семантическое измерение

Николаев Илья Викторович

старший преподаватель; кафедра зарубежной истории и международных отношений; Южный федеральный университет

344082, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Пушкинская, 140, оф. 213

✉ nikolaev_polit@mail.ru

[Статья из рубрики "ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0684.2024.4.71843

EDN:

XDWVBA

Дата направления статьи в редакцию:

29-09-2024

Дата публикации:

30-12-2024

Аннотация: В статье рассматривается феномен темпоральности политического дискурса, под которой понимается специфическая конфигурация грамматических и семантических маркеров обращения к прошлому, настоящему и будущему времени. Формирование временной модальности дискурса признается политически мотивированным действием, отражающим уникальную для конкретно-исторических условий идеологическую конструкцию политической элиты. Объектом исследования является официальный политический дискурс российской власти в период 2012–2022 гг. Предметом исследования выступают закономерности использования временных маркеров в официальном дискурсе государственной власти. Эмпирической базой исследования являются послания президента РФ Федеральному Собранию, а также торжественные

выступления, приуроченные к празднованию Дня Победы, Дня народного единства и Нового года. Особое внимание в статье уделено связи темпоральных характеристик дискурса с исторической политикой государственной власти. Методология исследования базируется на междисциплинарном синтезе лингвистических и семиотических подходов. Измерение темпоральности в дискурсе власти производится на трех уровнях: грамматическом (соотношение временных форм глаголов), лексическом (слова-символы, отсылающие к прошлому и будущему), семантическом (смысловое наполнение образов прошлого и будущего). На каждом уровне применяются вариации количественного и качественного контент-анализа. К основным выводам исследования следует отнести следующие положения. Во-первых, официальный дискурс российской власти в период 2012–2022 гг. носит вневременной характер и зациклен на воспроизведении настоящего. Во-вторых, ключевым инструментом этого воспроизводства следует считать растяжение временного континуума настоящего от недавнего прошлого как измеряемого фактического результата деятельности правительства до ближайшего будущего, известного по уже сформированным планам работы и бюджетирования. В-третьих, несмотря на доминирование на грамматическом уровне отсылок к будущему, семантически более значимым и структурированным является прошлое. В-четвертых, основным референтным историческим периодом для дискурса власти является послевоенное советское время, что соответствует актуальному общественному запросу. Новизна исследования заключается в применении подхода к феномену темпоральности, позволяющему учесть не только проявления исторической политики, но и выявить ее соответствие временной ориентации на грамматическом и лексическом уровне. Исследование дифференцирует естественную ориентацию во времени от мифологизированной проработки прошлого, помещая ее в непрерывный континуум осмыслиния развития общества российской властью.

Ключевые слова:

темперальность, официальный дискурс, президент, слово-символ, временная форма глагола, слово-маркер, историческая политика, символическая политика, прошлое, будущее

ВВЕДЕНИЕ

Историческое прошлое выступает элементом конструирования политической идеологии. Акцентуация отдельных событий великого и травматического характера, героизация деятелей прошлого или, наоборот, демонстративное отрицание таковых – не перестают быть актуальными инструментами политической борьбы. Российский случай не является исключением. По мнению К. В. Киселева, по сравнению с мировой практикой, в которой категории темпоральности находятся в относительном балансе, в российском политическом процессе наблюдается перевес дискурса прошлого [\[1, с. 175\]](#). Учитывая противоречивое по своей сути содержание исторических событий предыдущего столетия, вопрос позиционирования политических сил в системе «временных координат» оказывается принципиальным для поиска собственного электората. Среди прочих политических субъектов в процессе конструирования представлений о прошлом особую роль играет государство и органы государственной власти. Официальный политический дискурс становится источником «легитимного языка» [\[2\]](#) об истории. Государственная позиция не может избежать идеологического маркирования, и тем более необходимости включаться в дискуссию об историческом прошлом. Государственный нарратив прошлого

— это легитимирующий миф, включающий в себя космологию политической элиты, обоснования внутри- и внешнеполитических притязаний и форм активности. История становится коммуникативным кодом для самопрезентации государства в современности. «Прошлое состоит из сообщества определенных актов, и они, через воплощение в настоящем акте, устанавливают условия, которым акт должен соответствовать» [3, с. 28].

Политический дискурс, являясь продолжением политики как особого типа общественных отношений, является идеологизированным, пронизанным смыслами и интенциями. Ориентационная и мобилизационная функции политики предполагают наличие в языке политической коммуникации сфокусированного конструирования образа не только прошлого, но и будущего. Эта темпоральная характеристика более аморфная: говоря о прошлом политик обращается к фактам и переосмысливает их; обращаясь к будущему, он ставит себя под удар невыполненных обещаний. Мы предположили, что конфигурация отсылок к прошлому и будущему, а также их семантическое наполнение являются политически мотивированными и встраиваются не столько в так называемую «историческую политику», а в более широкую «темпоральную политику». В соответствии с гипотезой нашей целью стало выявление темпоральных характеристик официального политического дискурса российской власти в 2012–2022 гг.

Методология. В основу исследования легло убеждение о потребности современной науки в междисциплинарном синтезе подходов к анализу феномена темпоральности в различных сферах общественного бытия. Лингвистическая и семиотическая практика исследований времени в языке получила свое развитие в ряде направлений, в соответствии с типологией Д. А. Синкевич [4, с. 148]: грамматическом, акцентирующем внимание на фиксации в глагольных формах абсолютного и относительного времени; синсемантическом, рассматривающем взаимодополнение временных синтаксем и темпоральных лексем; функционально-грамматическом, коммуникативном и когнитивном. Последний подход представляет для исследователя политического дискурса больший интерес. Он предполагает, что язык одновременно является и транслятором языковой временной картины, и ее конструктором. В языке при этом, по мнению Е. В. Петрухиной, могут одновременно бытовать несколько когнитивных моделей времени, «определеняемых как культурно-познавательным опытом этноса, так и свойствами самого языка, функционирующего в речи» [5]. Последнее утверждение дает основание предполагать наличие как конкурентных отношений между разными моделями, так и феномен доминирования одной модели над другими.

В исторических и социально-политических науках исследования феномена времени органично вплетены в направление *memory studies*, имеющее своей целью выявить специфику форм и закономерности бытования представлений о прошлом. Т. ван Дейк выделяет специфическую когнитивную структуру «мемор», отвечающую за хранение, интерпретацию и использование сведений о прошлом [6, с. 197-199]. Долговременная память, реализующаяся в ментальных структурах и событийных моделях, предопределяет характеристики кратковременной памяти, задавая ее границы и специфику использования. Семантическая (социальная) долговременная память «формируется на основе общепринятых социокультурных убеждений и мнений, а также элементов социального знания, истинность которых не подвергается сомнению» [7, с. 198], что предопределяет стереотипность представлений и операций с прошлым. В свою очередь Я. Ассман утверждает, что «синтез времени и идентичности происходит посредством памяти» [8, р. 109], при этом любая актуализация прошлого становится новым «актом семиотизации и символизации» [9, с. 87], требующим переосмысления сведений,

хранящихся в социальной памяти. А. Ассман продолжает эту теоретическую традицию и примеряет ее к социально-политической сфере, вводя понятие «временного режима культуры» [10], определяющего помимо прочего, какой временной период в социальной памяти общества и политической элиты является доминирующим в процессах конструирования идейного содержания общественных отношений. Таким образом, несмотря на то, что когнитивные структуры связаны с объективным «линейным временем, расчлененным “точкою присутствия” на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее» [11, с. 52], в социально-политических процессах присутствует и оказывает воздействие избирательное и сконструированное представление как о течении времени, так и о его ипостасях – прошлом, настоящем и будущем.

Синтезируя междисциплинарный подход к феномену темпоральности в дискурсе официальной власти, отметим преимущества когнитивного подхода, дающего возможность предполагать наличие относительно устойчивых паттернов представлений и восприятия прошлого и будущего, реализующихся как в грамматических формах (специфических формах глагола, синтаксемах), так и в особой темпоральной лексике, требующей не столько формального лингвистического анализа, сколько семантического и символического. Темпоральная лексика становится маркерами и отсылками к тому историческому периоду, из которого, в соответствие с А. Ассман, проецируется настоящее. Выступая, вербальными политическими символами, лексика, отсылающая к разным времененным отрезкам, вовлекается в построение специфической исторической политики. Последнюю, вслед за А. И. Миллером, мы понимаем как целенаправленную или частично целенаправленную деятельность государства, ориентированную на конструирование представлений больших социальных групп или общества в целом об исторических событиях, фактах и персонах в интересах правящей элиты [12, с. 19]. Историческая политика в этом смысле является элементом «символической политики сверху» [13, с. 68], подразумевающей активную деятельность политических субъектов по позиционированию себя в публичном коммуникативном пространстве и трансляции «временно-официальных идеологий» [14, с. 154]. Однако «политизированная история не сводима однозначно (только и именно) к сознательной фальсификации» [15, с. 44] ввиду зависимости содержания транслируемого сообщения не только от волевых интенций коммуниканта, но и от закрепленных в его сознании когнитивно-языковых структур понимания объектов действительности [16, с. 45], в том числе имеющих отношение к категории темпоральности, т.е. связи с объективным и субъективным временем и историей.

Метод. Опираясь на изложенные теоретические предпосылки, в нашем исследовании мы предпринимаем попытку охарактеризовать темпоральность официального политического дискурса российской власти, интегрируя три уровня анализа:

- грамматический уровень (количественный анализ временных форм глаголов в основных источниках официального политического дискурса);
- лексический уровень (количественный анализ слов-символов, маркирующих обращения к прошлому и будущему);
- семантический уровень (анализ текстов на предмет концептуального отражения прошлого и проецирования будущего).

Контент-анализ глагольных форм и ключевых вербальных символов темпоральности позволяют ответить на вопрос о доминировании перспективной или ретроспективной

temporальности в текстах официального политического дискурса. В рамках третьего уровня исследования предпринимается попытка выявления концептуальной модели прошлого и будущего, конструируемая в официальном политическом дискурсе российской власти в 2012–2022 гг.

Эмпирическая база. Для достижения заявленных целей была сформирована выборка текстов официального политического дискурса, включающая в себя тексты ключевого субъекта — транслятора официального дискурса, в лице Президента РФ за период с мая 2012 г. по февраль 2022 г. Нижняя хронологическая граница — инаугурация В. В. Путина в должности президента РФ 7 мая 2012 г. Верхняя хронологическая граница обусловлена началом российской специальной военной операции на Украине. После этого события, по нашему убеждению, историческая и шире символическая политика кардинально изменяется, что требует отдельного исследования. В эмпирическую базу попали официальные публичные выступления, адресованные власти и обществу (послания президента Федеральному Собранию РФ); а также официальные выступления, адресованные исключительно обществу (новогодние выступления, поздравления с Днем Победы и Днем народного единства).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Грамматический уровень темпоральности официального дискурса власти

Для характеристики грамматического уровня темпоральности дискурса власти был осуществлен количественный анализ временных форм глаголов. Подсчет слов, выступающих сказуемыми в текстах посланий президента Федеральному Собранию, показал, что при наличии общей тенденции соотношения временных форм, присутствуют особенности в логике распределения данных. Так, в частности, можно отметить присущее официальному политическому дискурсу доминирование глаголов настоящего времени, которое наблюдается в течение всего анализируемого периода, кроме 2021 г. Доля глаголов в этом времени колеблется в диапазоне от 40 до 60 % от общего количества этой части речи. Полагаем, что этот показатель является нормативным для анализируемого жанра текстов. Выход за рамки выявленного диапазона требуют разъяснения. Так, последнее в рамках хронологического периода послание президента,озвучавшее 21 апреля 2021 г. содержит отчетные характеристики, акцентирующие внимание на действиях, совершенных в период пандемии 2020 г. и связанных с ней событий в экономике и внешней политике. Не удивительно, что в сложный для авторитета власти период, спичрайтеры предпочли упомянуть конкурентные преимущества действующей политической элиты.

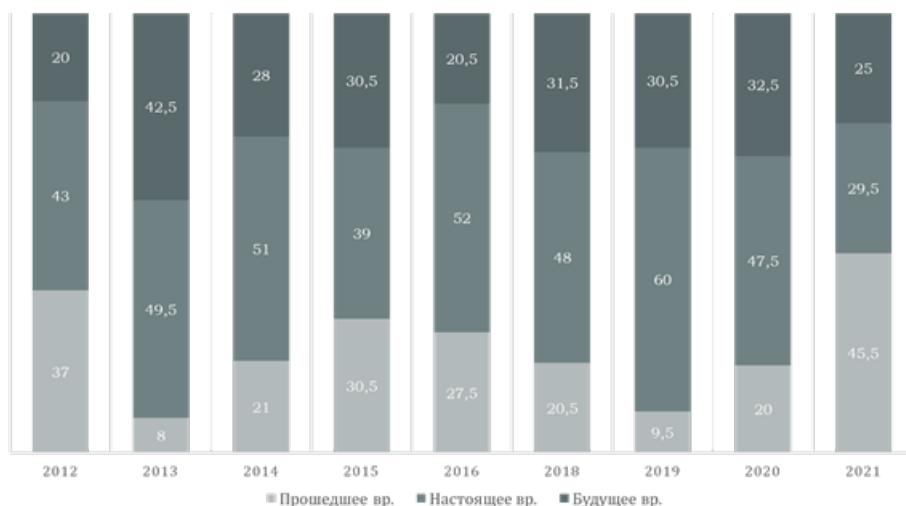

Рисунок 1. Соотношение временных форм глаголов в текстах посланий президента Федеральному Собранию РФ 2012–2021 гг. (в % от общего количества глаголов)

Актуализация глагольных форм прошедшего и будущего времени в посланиях президента в 2012–2021 гг. с большим трудом поддается закономерностям. Если в популярности глаголов прошедшего времени есть определенная цикличность, проявляющаяся в возрастании частоты использования накануне окончания президентского срока; то в изменении количества глаголов будущего времени тенденциозность не прослеживается. Прошлое и будущее время глаголов сопровождают две ключевых практики политического дискурса: рефлексию ранее произведенных действий и событий, а также планирование дальнейшей деятельности политической элиты. Невыраженная закономерность использования двух временных форм глаголов говорит об отсутствии сложившейся в российской политической системе практики структурирования речи, выделения частей, посвященных анализу ситуации и целеполаганию. Это в свою очередь, характеризует официальный политический дискурс как зацикленный на настоящем времени и воспроизведении настоящего. Статус-кво, закрепленный настоящим временем глагольных форм, предпочтительнее как фрагментарного прошлого, так и иллюзорного будущего.

Лексический уровень темпоральности официального политического дискурса

Для анализа лексического уровня был применен количественный направленный контент-анализ. В качестве слов-маркирующих обращение к прошлому были определены: «прошлый», «последний», «предыдущий», «назад» и их грамматические формы. Обращение к будущему идентифицировано по таким лексемам, как «будущий», «ближайший», «следующий», «вперед» и их формы. По результатам статистического подсчета были выделены следующие промежуточные результаты.

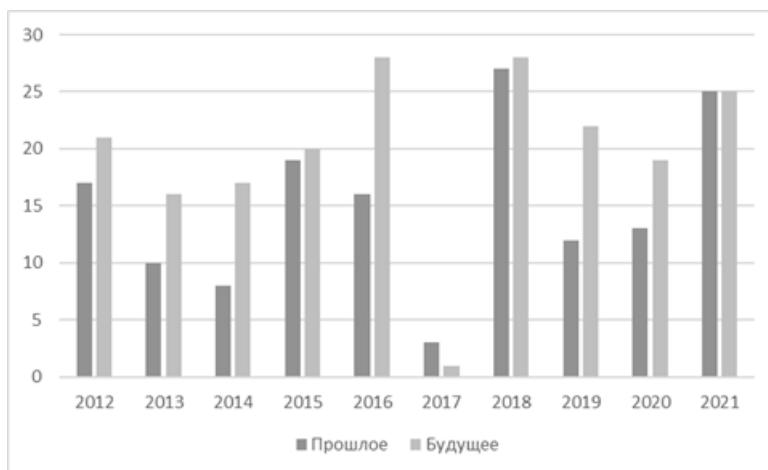

Рисунок 2. Динамика использования слов-маркеров прошлого и будущего в официальном дискурсе президента РФ в 2012–2021 гг. (абсолютные показатели)

Представление о прошлом и будущем как близлежащих годах к дате декларации текста является доминирующим в речах президента РФ. Отсылки к будущему наблюдаются в контексте целеполагания на перспективу нескольких лет вперед. Стратегическое планирование на долгосрочный период практически отсутствует. Последнее выражается в конструировании неизмеримых абстрактных целей, связанных с общим представлением о месте России в международных отношениях, а также об общекультурных или системных изменениях, необходимых для создания сильной, непобедимой, богатой России будущего.

Рисунок 3. Динамика использования слов-маркеров ближайшего и отдаленного будущего в официальном дискурсе президента РФ в 2012–2021 гг. (абсолютные показатели)

«Судьба России, ее историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет (...), сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, десять лет, какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны...» [17].

«Перед Россией стоят прорывные исторические задачи, и в их решении значим вклад каждого. Вместе, сообща мы обязательно изменим жизнь к лучшему» [18].

Рисунок 4. Динамика использования слов-маркеров ближайшего и отдаленного прошлого в официальном дискурсе президента РФ в 2012–2021 гг. (абсолютные показатели)

В свою очередь преобладающее упоминание прошлого в виде отсылок к уже произошедшим событиям или достигнутым ранее результатам затрагивает в первую очередь историю последних лет и присутствует в формулировках следующего типа: «в прошлом году», «в прошлогоднем послании», «в недавнем прошлом», «несколько лет назад» и т.п. На операциональном уровне используется прошлое, заключенное в рамки 2000-х – 2010-х гг., в то время как более глубокие исторические пласты (в том числе и 1990-е гг.) задействованы в конструировании политических мифов и иных устойчивых символических структур.

«За первые 12 лет нового века сделано немало» [19].

В связи с этим период российской и мировой истории периода ранее 2000-х годов фигурирует в текстах посланий и поздравительных речей статистически значительно реже, нежели операционализированные и переработанные десятилетия XXI века.

Аналогичное соотношение между отдаленным и ближайшим будущим — последнее доминирует в количественном измерении, т.к. является понятным и прогнозируемым для политической элиты. Долгосрочные перспективы и планы практически отсутствуют и подменяются абстрактным представлением о будущем. Несмотря на относительный паритет между отсылками к будущему и прошлому в текстах официальных документов, в целом прослеживается доминирование перспективной темпоральной характеристики. Однако семантический вес обращений к прошлому значительно больше по сравнению с более многочисленными, но аморфными обращениями к будущему. Эту гипотезу мы попытаемся рассмотреть, анализируя семантический уровень темпоральности официального дискурса.

Семантический уровень темпоральности официального политического дискурса

Прошлое (Дореволюционная история). В контексте исследований исторической памяти и, в частности, инструментального использования прошлого для легитимации власти, для нашего анализа принципиально различение советской и дореволюционной эпох российской истории. Характеризуя акты обращения официальной власти к дореволюционной российской истории, отметим их ситуативность и редкость. Так, за весь исследуемый период дискурс посланий президента, выступающих квантессенцией официального политического дискурса, обращается к истории до 1917 г. только восемь раз. 2012 г. и 2018 г. ознаменовались упоминаниями Первой Мировой войны; 2013 г. — Земской реформы Александра II; 2014 г. — крещения Руси и значения Херсонеса и Крыма в этом процессе; 2016 г. — Февральской и Октябрьской революций 1917 г.; 2019 г. — «времен "очаковских и покоренья Крыма"» [\[20\]](#).

Торжественный дискурс, представленный поздравительными выступлениями в честь Нового года, Дня Победы, Дня народного единства, демонстрирует большую интенсивность актуализации дореволюционной истории. В текстах новогодних поздравлений практически отсутствуют отсылки к истории, а проработка прошлого завершается на характеристике завершающегося года. Напротив, дискурс поздравлений к 9 мая и 4 ноября крайне историчен. При этом закономерно, что практически в каждом выступлении президента на торжественном приеме в честь Дня народного единства упоминаются события дореволюционной истории. Нarrатив Смуты 400-летней давности, дополнен элементами, мифологизирующими и «осовременивающими» это историческое событие: «положен конец слабости государства» [\[21\]](#), «священное право жить согласно своим уставам и своим традициям» [\[22\]](#), «сам народ поднялся против смуты и безвластия, одолел внутренние распри и внешнюю угрозу, отстоял достоинство и независимость страны» [\[23\]](#), «спасли страну от распада» [\[24\]](#). Несмотря на органическую связь двух праздников с двумя историческими эпохами, в выступлениях президента, приуроченных ко Дню Победы, присутствуют отсылки к дореволюционному прошлому. Так, в 2019 году были упомянуты «древние русские столицы — Киев и Великий Новгород» [\[25\]](#), в 2018 г. — две мировых войны, в 2014 г. — основание Севастополя и Крымская война и т.д.

Апеллирование к историческому контенту, в первую очередь, к дореволюционному, отвечает потребностям мифологизированного конструкта «тысячелетней исторической России» [\[26\]](#), отражающего политику отказа от позиционирования российской политической элиты в координатах прошлого. Нарратив о дореволюционной эпохе России имеет несистемный характер, возникает в официальном политическом дискурсе ситуативно и крайне слабо операционализируется для продвижения политических идей современности. Наиболее проработанным и реинтерпретированным для политических

потребностей элиты оказался исторический сюжет Смуты начала XVII в., однако этот дискурс в виду своей хронологической отдаленности крайне мифologизирован, неконкретен, абстрактен.

Прошлое (Советская и постсоветская история). Советский период российской истории представлен в официальном политическом дискурсе значительно более отчетливо. История СССР выступает эталонным элементом, который используется 1) для акцентуации проблем современной России, 2) для подчеркивания достижений, предпринятых в последние годы («даже в советское время с его широкой социальной программой поддержки граждан не было такой меры поддержки» [\[27\]](#) [о бесплатном питании младших школьников – прим. И.Н.]). Советское прошлое значительно более операционализировано для ситуативных политических потребностей официального дискурса власти. Разберем основные сюжеты, получившие отражение в текстах посланий и поздравительных обращений.

Бессспорно, ключевым местом памяти еще с начала 2000-х гг. становится Великая Отечественная война. Ни одно послание президента Федеральному Собранию за исследуемый период не обошлось без упоминания крупнейшего вооруженного конфликта в истории. Выступления 2015 г. и 2019 г., посвященные наступлению нового года и Дня народного единства, также, несмотря на несовместимость контента с поводом, содержат обращения к истории Великой Отечественной войны.

Ключевыми аспектами отношения официального дискурса к памяти о Великой Отечественной войне являются два ситуативно комбинируемых элемента:

1) признание войны величайшей победой народа («советского», «русского», «нашего» – в зависимости от потребностей ситуативного означивания события).

«Этой обнаглевшей силе покорились многие государства, и безнаказанность застилала нацистам глаза. Они думали, что смогут так же, в считаные недели, подмять под себя и Советский Союз – тысячелетнюю историческую Россию. Не вышло!» [\[28\]](#).

2) принятие войны как крупнейшей катастрофы, унёсшей неисчислимое количество жизней и последствия которой влияют на текущее состояние страны.

«Миллионы павших не увидели, не дождались Победы» [\[29\]](#).

Задачи по конструированию исторического «альтер-эго» современной России в дискурсе президента реализуются также через сравнение достижений последних лет с итогами советского правления. Примечательно, что не весь период социалистического эксперимента считается репрезентативным для демонстрации достижений действующего правительства. Практически отсутствуют позитивные коннотации с довоенным периодом истории СССР, в то время как период 1960-х – 1970-х гг. присутствует в официальном дискурсе как значимый, как самая высокая планка, достигнутая в предыдущие исторические эпохи. Сфера деятельности, в которых современное правительство допускает сравнение с советским прошлым, можно сгруппировать в три основных направления:

1) военные технологии и противостояние потенциальному нападению (договоры об ограничении видов вооружений, радиолокационная система, различные технологии вооружений и т.п.);

2) социальная политика (социально-ориентированные профессии, обеспечение

пенсионеров и др. социальных групп, национальная политика и т.п.);

3) инфраструктурная политика (жилищное строительство, количество и мощность портов, строительство социальных объектов и т.п.)

4) экономические показатели (макроэкономические показатели, объемы сельскохозяйственного продукта, объемы металлургической промышленности и т.п.)

Год	Суммарное количество упоминаний советского прошлого за год	Упоминание советского прошлого с негативной оценкой	Упоминание советского прошлого с позитивной оценкой
2012	4	2	2
2013	3	2	1
2014	1	1	0
2015	0	0	0
2016	1	1	0
2018	9	6	3
2019	2	1	1
2020	5	3	2
2021	2	2	0

Табл. 1. Упоминание советского прошлого в дискурсе посланий президента Федеральному собранию 2012–2022 гг.

Советское прошлое, несмотря на обилие позитивных коннотаций и сравнений, выступает противоречивым объектом ретроспективного осмысления в дискурсе российской власти (см. Табл. 1). Эта тенденция соответствует общественным представлениям об этом историческом периоде, измеренным в 2022 г. социологическими опросами ВЦИОМ. По результатам этих исследований советский период истории России считают положительным 51 % взрослого населения страны, 38 % — находят в нем равное присутствие и хорошего, и плохого, и только 5 % — оценивают однозначно негативно [30]. Следует учесть, что это результат наблюдающейся в нашей стране с начала 2000-х гг. идеализации советского прошлого, формирующей феномен советской ретротопии [31]. Результаты опросов, проведенные в начале интересующего нас хронологического периода, более радикально смотрят на советское прошлое нашей страны. В частности, при наличие близкого показателя по позитивным оценкам в 54 % сожалеющих о распаде СССР, негативно оценивающих и не сожалеющих о прекращении его существования в 2012 году было 33 % опрошенных. Противоречивость «советского» в дискурсе официальной власти в России соответствует тенденции к идеализации, однако отражает и критический запрос общественности.

Статистически негативные коннотации советского прошлого в дискурсе посланий президента Федеральному собранию преобладают, хотя концептуально не являются системообразующими для исторической политики правительства. Советский период рассматривается как источник ряда современных проблем России, в частности демографического кризиса. Провалы естественного прироста в 1940-х гг. и 1990-х гг. неоднократно упоминаются в текстах посланий разных лет как начало проблем, с которыми столкнулась страна в XXI в. Помимо демографических проблем среди негативно оцененных фактов советского прошлого президент упоминает дефицит товаров общего потребления, тяжелое наследие моногородов, ущемление частных интересов,

идеологию пришествия коммунизма и др.

Отдельно стоит упомянуть группу смыслов, связанную с процессом распада Советского Союза, лежащую в основе ретроспективного фокуса исторической политики. Несмотря на перманентное присутствие сравнения современной России с Советским Союзом, два государства не рассматриваются как разные объекты, а являются ипостасями одного исторического субъекта. В послании 2018 г. звучит формула, характеризующая этот подход: «*Россия, которая в советское время называлась Советским Союзом*» [32]. Однако в дискурсе президента не прослеживается последовательной исторической преемственности, т.к. траектория развития страны от СССР до современной России прерывается периодом распада первого и становления второй. Последний именуется в послании 2019 г. «*драматичными годами после распада СССР*» [33]. В контексте геополитических позиций России президент отмечает: «*У нас остались прежние амбиции, (...) сохранился колossalный потенциал (...). Но возникли и угрозы, причём угрозы такого масштаба, о которых никто раньше даже и не задумывался*» [34]. Указывается на возникновение многочисленных «огромных „дырок“» [35] в радиолокационном противоракетном поле, что метафорически отражает и состояние страны в целом. В 2018 г. В. В. Путин подводит количественные итоги распада Советского Союза: Россия «*утратила 23,8 процента территории, 48,5 процента населения, 41 процент валового общественного продукта, 39,4 процента промышленного потенциала (...), 44,6 процента военного потенциала в связи с разделом Вооруженных Сил СССР между бывшими союзными республиками*» [36]. Приведенные данные становятся важным аргументом в обосновании позиции российской власти в отношении к распаду СССР как к крупнейшей геополитической катастрофе XX в.

Следует солидаризоваться с идеями О. Ю. Малиновой, высказанных в отношении дискурса президента о том, что для политической элиты современной России «советское прошлое представляло интерес в той мере, в какой его можно было использовать в технике коллажа для иллюстрации образа „тысячелетнего“ „сильного государства“, выполняющего роль стержня официальной версии современной российской идентичности» [37, с. 39]. Это утверждение нашло подтверждение и в нашем исследовании — советское прошлое представлено противоречиво, но семантически значимо в конструкте исторической политики.

Будущее. Формирование образа будущего выступает ключевым элементом идеологической коммуникации государственной власти и предполагает выполнение одной из основных функций политической системы — целеполагания. «*Будущее время «узурпируется» властью для решения проблем настоящего. Обращая интересы граждан в будущее, власть рассчитывает сохранить влияние в настоящем*» [38, с. 253]. В документах стратегического назначения, таких как послания президента Федеральному Собранию, мы ожидаемо увидели статистическое преобладание семантических отсылок к будущему, над обращениями к прошлому. Однако необходимо учесть их качественные различия: упоминания будущего практически не верифицируемы, сформулированы абстрактно и неизмеримо.

«*Мы должны быть устремлены только вперед, только в будущее*» [39].

Образ отдаленного будущего — аморфный и иллюзорный, не операционализируем для ключевой задачи политической элиты в формулировании внятных целей общественного развития. Реципиент официального дискурса затруднен в выстраивании собственной

индивидуальной траектории деятельности, солидарной целям развития общества. Дискурс задает мифологизированные представления о будущем — сильная, независимая, едина и т.п. Россия, однако путь достижения этого состояния и планируемый период его достижения выявить в текстах президента невозможно. Абстрактное будущее, в попытке преодолеть этот разрыв, достраивается планированием на краткосрочный период одного или нескольких лет. «Рассуждая о известном для него будущем, спикер оказывается в положении сильного. Он обладает знанием, недоступным его слушателям» [\[40, р. 166-167\]](#). Обращаясь к «следующему году», «ближайшим годам», «скорому будущему», президент фактически протягивает уже осуществляющую правительство деятельность на предсказуемый срок существования актуальной конфигурации политической системы. Однако запрос на конструирование отдаленного стратегического образа будущего оказывается не удовлетворенным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на доминирование будущего времени в статистических подсчетах глагольных форм и слов-маркеров, следует признать, что в семантическом измерении будущее время не составляет фундамента дискурса власти. Обращение к будущему оспариваемо, абстрактно, семантически размыто. Точностью отличаются только ближайшие планы правительства, которые, по нашему мнению, встраиваются скорее в «долгое» настоящее, протянутое от предыдущих измеряемых результатов деятельности правительства до выстроенных планов на ближайшие годы, которые можно измерить статьями трехлетнего государственного бюджета. Темпоральность официального политического дискурса в хронологических рамках исследования замкнута на настоящем времени. Политическая реальность помещена в динамический процесс бесчисленных изменений и трансформаций, свершившихся недавно и планируемых к свертыванию в ближайшее время.

В сравнении с будущим семантически значительно более весомо в дискурсе президента представлено прошлое, отражающее специфическую конфигурацию исторической политики в конкретных условиях. Смысловое давление прошлого вступает в противоречие со статистическим преимуществом будущего, что может судить об особом пути конструирования объяснительных моделей и системы целеполагания. Дискурс отталкивается от прошлого как от значимого этапа, требующего соизмерения настоящего с собой. Такая логика, безусловно имеет преимущество проработки исторических ошибок и травм, однако безальтернативно лишает общество осозаемого образа будущего.

В течение всего президентского правления В. В. Путина предпринимаются попытки по согласованию исторической памяти со всеми референтными этапами прошлого нашей страны. «Идея единства истории плавно переходит в единство российского народа в рамках единого государства» [\[41, с. 138\]](#). Однако советский период отечественной истории, по результатам нашего анализа, является основным референтом, что соответствует многочисленным исследованиям российских ученых. Если ранжировать степень близости представлений президента о социально-политическом, культурном, геополитическом и экономическом состоянии современной России с разными периодами истории нашей страны, то следует поместить на первое место именно советский период (точнее — послевоенный советский период). Далее в динамике увеличения различий будут следовать имперский период, который является связующим звеном с «тысячелетней историей». Еще более отчетливо дискурс президента дистанцируется от первых лет существования современной России — 1990-х гг. Такая система ассоцирования встраивается в электоральный ландшафт страны, где наиболее

политически активной частью населения, по-прежнему, остаются поколения, заставшие поздний Советский Союз и/или ностальгирующих по нему; позволяет актуализировать дискурс великой державы, утверждая историческую преемственность с СССР.

Рефлексируя метод, выработанный для исследования темпоральных характеристик официального дискурса власти, мы можем обнаружить прикладную пользу анализа темпоральности на трех уровнях: грамматическом (временные формы глаголов), лексическом (частотность употребления слов-маркеров) и семантическом (содержательное наполнение образов прошлого и будущего). К значимым ограничениям результатов исследования следует отнести тот факт, что исследование временных грамматических форм глагола является исключительно зондирующими (обработано 30 % текста каждого источника). Помимо прочего первичная обработка такой единицы анализа как временная форма глагола затруднена жанровой спецификой текстов, в частности обилием инфинитивов. Существенно может усовершенствовать выводы вовлечение дополнительного объема источников официального политического дискурса в виде публичных выступлений и обращений президента, текстов иных акторов государственной власти. Перечисленные факторы не позволяют уверено экстраполировать результаты исследования на весь объем официального дискурса российской власти, однако, на наш взгляд, дают право судить о наличии тенденций и специфических закономерностей в использовании прошлого и будущего для политических целей.

Библиография

1. Киселев К.В. Дискурс прошлого в эlectorальной политической риторике: к постановке проблемы // Символическая политика: Сб. науч. тр. Выпуск 1. / Отв. ред. Малинова О.Ю. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 175–181.
2. Бурдье П. О производстве и воспроизводстве легитимного языка. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html> (Дата обращения: 20.09.2024).
3. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. – Томск: Издательство «Водолей», 1999. – 64 с.
4. Синкевич Д.А. Категория темпоральности в лингвофилософском освещении // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. – С. 148–152.
5. Петрухина Е.В. Когнитивные модели времени в русской грамматике. – Режим доступа: <https://api.semanticscholar.org/CorpusID:187942297> (Дата обращения: 20.09.2024).
6. Дейк Т. ван, Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ », 2013. – 344 с.
7. Дейк Т. ван, Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ », 2013. – 344 с.
8. Assmann J. Communicative and cultural memory // Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook / Eds. A. Erll and A. Nünning. – Berlin; N.Y.: De Gruyter, 2010. – P. 109-118.
9. Завершинский К.Ф. Символическая политика как социальное конструирование темпоральных структур социальной памяти // Символическая политика: Сб. науч. тр. Выпуск 2. / Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. – М., ИНИОН РАН, 2014. – С. 80-92.
10. Ассман А. Трансформации нового режима времени. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/116/a4-pr.html> (Дата обращения: 10.09.2024.)
11. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – 352 с. – С. 51–61.

12. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала ХХI века // Историческая политика в ХХI веке / Под ред. А. Миллера, М. Липман. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 7–32.
13. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–75.
14. Макаренко В.П. Русская власть и бюрократическое государство: Часть 1. – Ростов-на-Дону: Изд-во Март, 2013. – 649 с. – С. 154.
15. Чернявская В.Е., Молодыченко Е.Н. История в политике: методология и методика дискурсивного анализа // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Ч. 1. Вып. 12. – Ставрополь: Издательство СКФУ, 2014. – С. 43–64.
16. Чернявская В.Е., Молодыченко Е.Н. История в политике: методология и методика дискурсивного анализа // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Ч. 1. Вып. 12. – Ставрополь: Издательство СКФУ, 2014. – С. 43–64.
17. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Дата обращения: 03.06.2024).
18. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Дата обращения: 03.06.2024).
19. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (Дата обращения: 03.06.2024).
20. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Дата обращения: 03.06.2024).
21. Выступление В.В. Путина на приёме по случаю Дня народного единства от 04.11.2012 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/16752> (Дата обращения: 03.06.2024).
22. Выступление В.В. Путина на приёме по случаю Дня народного единства от 04.11.2016 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53212> (Дата обращения: 03.06.2024).
23. Выступление В.В. Путина на приёме по случаю Дня народного единства от 04.11.2017 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56002> (Дата обращения: 03.06.2024).
24. Выступление В.В. Путина на приёме по случаю Дня народного единства от 04.11.2019 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/61963> (Дата обращения: 03.06.2024).
25. Выступление В.В. Путина на Параде Победы на Красной площади от 09.05.2019 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60490> (Дата обращения: 03.06.2024).
26. Выступление В.В. Путина на Параде Победы на Красной площади от 09.05.2019 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60490> (Дата обращения: 03.06.2024).
27. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Дата обращения: 03.06.2024).
28. Выступление В.В. Путина на Параде Победы на Красной площади от 09.05.2019 // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60490> (Дата обращения: 03.06.2024).
29. Выступление В.В. Путина на Параде Победы на Красной площади от 09.05.2020 //

- Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/63560> (Дата обращения: 03.06.2024).
30. лет СССР: забыть нельзя вернуться? Электронный ресурс. – Режим доступа:
<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzavernutsja?ysclid=lpjbwhb4dh526979803> (Дата обращения: 29.08.2024).
31. Шапинская Е.Н. Символика ретротопии в (пост)современной массовой культуре: новая жизнь советского мифа // Вестник культурологии. – 2023. – № 2 (105). – С. 245–258.
32. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Дата обращения: 03.06.2024).
33. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 20.02.2019 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032> (Дата обращения: 03.06.2024).
34. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45148> (Дата обращения: 03.06.2024).
35. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Дата обращения: 03.06.2024).
36. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 01.03.2018 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902> (Дата обращения: 03.06.2024).
37. Малинова О.Ю. Прошлое как ресурс символической политики: анализ тематического репертуара памятных речей президентов РФ (2000–2013 гг.) // Идеи и ценности в политике. Политическая наука: Ежегодник 2015 / гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 366 с. – С. 20–41.
38. Синельникова Л.Н. Семантика и стилистика языковых корреляций дискурса власти // Дискурсы власти: коллективная монография / Н.А. Меркурева, А.В. Овчинников, А.Г. Пастухов (отв. ред.) – Орел: ООО «Горизонт», 2015. – 378 с. – С. 239–259.
39. Путин В.В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012 г. // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа:
<http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (Дата обращения: 03.06.2024).
40. Fairclough N. Analyzing discourse: Textual analysis for social research. London, 2003.
41. Пахалюк К.А. Дискурсивные основания интерпретации истории в контексте современной внутренней и внешней политики России: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.01 / Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации». – Москва, 2020. – 321 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает темпоральность официального политического дискурса. В заголовке в качестве объекта указан дискурс российской государственной власти за период 2012–2022 гг., что не совсем точно, поскольку реально анализировался только дискурс Президента РФ за данный период. Автор

справедливо связывает высокую степень актуальности выбранной для исследования темы с фактом активного использования модуса темпоральности (апелляции к прошлому, героизации некоторых персон, проектирования будущего и т. д.) в политической борьбе. Действительно, по мере всё большей медиатизации политики, политические акторы всё чаще прибегают к использованию данной технологии. Теоретической основой рецензируемого исследования выступил когнитивный подход к феномену темпоральности в политическом дискурсе, а в качестве методологической базы – контент-анализ единиц официального политического дискурса. Анализ феномена темпоральности в политическом дискурсе проводился на трёх уровнях: грамматическом (временные формы глаголов), лексическом (частотность употребления слов-маркеров) и семантическом (концептуальное содержание образов прошлого и будущего). Эмпирическую базу составила выборка текстов официальных публичных выступлений Президента РФ В.В. Путина за период с мая 2012 г. по февраль 2022 г. Специально следует отметить, что автор рецензируемой статьи достаточно подробно аргументирует свой теоретико-методологический выбор и объясняет мотивацию отбора эмпирической базы за указанный хронологический период. Вполне корректное применение данного методологического инструментария позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о выявленном в процессе исследования противоречии между доминированием в политическом дискурсе Президента РФ будущего времени на грамматическом и лексическом уровнях, и темпоральной замкнутостью этого дискурса на событиях прошлого в контексте его влияния на настоящее. В результате образ будущего оказывается концептуально размытым и скорее «встроенным в прошлое», чем спроектированным будущим. Кроме того, научный интерес представляет выявленный ключевой референт исторической памяти, концептуализированной в выступлениях В.В. Путина – советский период российской истории после окончания Второй мировой войны. Наконец, методологическое значение рецензируемой статьи состоит в подтверждении высокого эвристического потенциала анализа темпоральности официального политического дискурса, а также выявленных ограничениях этого подхода. В структурном плане работа также производит положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Несколько странным выглядит выделение двух подразделов «ВВЕДЕНИЯ» – «Методология» и «Метод»; судя по содержанию этих подразделов, в первом из них речь идёт о теоретическом контексте исследования, а во втором – о конкретных методах и методиках, использованных для получения результатов. Кроме названных, в тексте выделены ещё два раздела («РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ», где последовательно проводится анализ темпоральности политического дискурса на трёх уровнях – грамматическом, лексическом и семантическом, а также «ЗАКЛЮЧЕНИЕ»). Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, нарушение смысловой связи внутри предложения: «Последнее утверждение дает основание предполагать наличие как конкурентных отношений между разными моделями, так и феномен доминирования одной модели над другими» [предполагать феномен? или наличие феномена?]; и др.) и грамматических (например, пропущенная запятая после деепричастного оборота «...Говоря о прошлом политик обращается к фактам и переосмысливает их...»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 41 наименование, в том числе источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место при обсуждении основных подходов к анализу темпоральности политического дискурса. В числе достоинств

рецензируемой статьи отдельно следует отметить использование иллюстративного материала (таблицы и четырёх рисунков), существенно упрощающего восприятие выводов автора.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, культурологов, лингвистов, специалистов в области медиа и PR, а также для студентов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Политика и Общество». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.